

© 2000 г., ЭО, № 4

В.В. Карлов

ЭТНОНАЦИОНАЛЬНАЯ РЕФЛЕКСИЯ И ПРЕДМЕТ ЭТНОЛОГИИ (к проблеме самосознания науки)*

Особенности мирового развития на исходе XX в. и II тысячелетия сфокусировали общественный интерес на этнологической науке, от которой общество требует ответов на целый ряд остроактуальных вопросов. Эти вопросы связаны с колоссальным обострением межэтнических противоречий, напряженности, доходящей до открытых кровопролитных конфликтов и войн, подводящих человечество к весьма опасной черте. Если даже этнология как наука о народах и их развитии дает ответы на некоторые из вопросов (хотя далеко не на все), ситуация такова, что общество, похоже, этими ответами либо не удовлетворяется, либо предпочитает их не замечать, либо предъявляет к науке о народах завышенные требования и ожидания, которые не могут быть удовлетворены по объективным причинам. Это обстоятельство делает достаточно актуальной постановку «встречных» вопросов, на которые этнологам следует ответить самим себе, без чего общественный дискурс не сможет быть плодотворным: что представляет собой общественное сознание с точки зрения этнонациональной рефлексии¹, ее форм и разновидностей, каково соотношение этих форм с этнологией и ее предметом и какое место занимает среди них сама этнология?

Поиски адекватного ответа на вопрос о месте этнологии в системе знаний и представлений об этнонациональном развитии человечества, как и определение ее специальных задач в области этнонациональной рефлексии, зависят, конечно, от множества конкретных факторов развития как общества, так и науки об обществе. Однако формирование отчетливого понятия об этом как для общества в целом, так и для себя самой в любой отрасли науки об обществе возможно только в том случае, если эта отрасль науки имеет ясное представление о специфике своего предмета и своих профессиональных функциях. Поэтому обозначенная тема – этнология и формы этнонациональной рефлексии – неизбежно смыкается с проблемой определенной ревизии или уточнения понятийно-терминологического аппарата. Похоже, что теоретико-методологический багаж нашей науки на рубеже веков и тысячелетий оказался далеко не в идеальном состоянии, и обращение к таким фундаментальным категориям, как «нация» и «этнос», на страницах ряда номеров нашего профессионального журнала очень симптоматично².

По-видимому, есть определенная связь между широким проникновением этнонациональной проблематики в сферу политики, идеологии и связанной с ними публицистики (соответственно в лексикону СМИ) и стремлением представителей «научного цеха» привести собственный понятийный аппарат в некое эталонное или более строгое состояние, ибо широкое применение «ученых словечек» в СМИ, особенно без разъяснения их значения как чего-то само собой разумеющегося и неясного лишь профанам всегда сопряжено с риском утраты понятийно-сущностной четкости терминов. Но в данном случае положение усугубляется тем, что строгости и четкости нет и у самих ученых, что наглядно показали публикации о понятиях «нация» и «этнос», авторы

* Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 98-01-00273).

которых стоят на противоположных теоретико-методологических позициях. Поэтому в такой ситуации вопрос для этнологов-профессионалов встает достаточно конкретно: может ли наука требовать от общества (не от массового сознания, но хотя бы от его «конструкторов») понятийной четкости, если не обладает ею сама? Не пора ли в нашу эпоху тотальной профессиональной специализации все же выработать свои профессиональные критерии понятий, исходящие из собственного предмета изучения и его сущности?

Прежде чем высказать свои соображения по поставленным вопросам, сделаю предварительные замечания о тенденциях профессиональной специализации в жизни современного мира, затронувшей далеко не только сферы материального производства, но и производство духовное, т.е. и сферу общественного сознания. Подчеркну, что речь идет не о специализации научного знания (эта тема больше связана с дифференциацией отраслей науки), а о выделении в структуре общественного сознания этнонациональной рефлексии и специализации ее разновидностей.

Совершенно очевидно, что этнологическое знание уже достаточно давно является одной из таких специализированных форм сознания общества, имея, как и все другие, свои конкретные функции. Они заключаются в потребностях объективного познания средствами профессиональной науки этнической картины мира и этнических (или этнонациональных) форм развития человечества как феномена глобальной мировой истории, как присущего этой истории процесса, разворачивающегося во времени и пространстве. В современном индустриализированном обществе одно из составляющих формирования этой картины – создание усилиями каждой национальной этнологической традиции некоего представления об истории возникновения, становления, развития и характерных чертах и формах бытия собственного народа-этноса. Такое представление можно назвать специально-научной формой или разновидностью этнонациональной рефлексии. Как задачи науки вообще, так и задачи данной конкретной формы рефлексии – стремление к постижению объективной истины или максимально возможное приближение к ней.

Данное функциональное назначение этнологической науки определялось постепенно, его осознание вызревало долго и рождалось, можно сказать, в муках. Собственная «ниша» в структуре общественного сознания, как свидетельствует история нашей науки, определялась между объективными потребностями общества в знании о народах, их быте и обычаях с чисто практических и утилитарных позиций (потребности обмена и торговли, управления, войны), с одной стороны, и столь же объективно вызревавшими потребностями национального сообщества в самопознании, саморефлексии – с другой. Первая потребность по мере накопления эмпирического материала привела к необходимости его осмысления, обобщения и систематизации, из чего в конце концов родилась наука о народах вообще – этнография, этнология, или народоведение. Со второй же дело обстояло гораздо сложнее по той причине, что место этнонациональной саморефлексии в любой этнической среде никогда не было и не может быть занято исключительно научной ее формой. Этнонациональная саморефлексия тесно связана с потребностями этнического сообщества в какой бы то ни было форме самоорганизации.

Уже поэтому этнонациональная саморефлексия, соприкасаясь с необходимостью быть воплощенной в конкретных видах политической организации общества, представляет собой неотъемлемую и важную часть процессов внутриэтнической самоорганизации и, следовательно, общественно-идейной борьбы, разворачивающейся среди социально активной части общества у любого народа индустриального мира. По этой причине разновидности таковой рефлексии всегда многообразны: это сферы политики и законодательства, идеологии, художественно-эстетического и эмоционально-чувственного познания, наконец, сфера бытового, или быденного сознания, питающегося из разных источников. Среди них одна из разновидностей – специализированно-научная форма саморефлексии. Но она не занимает в структуре этнического самосознания ведущих позиций. Материал и выводы науки, как правило, лишь

частично используются такими выраженными социально активными формами, как политика и идеология, иногда – представителями художественно-творческих видов рефлексии. Вместе с тем они используются в своих целях, более конкретных и зримых, нежели абстрактно-отстраненное познание объективной истины, чем по статусу должна заниматься наука.

Подобное двойственное положение научной этнологической формы саморефлексии в структуре общественного сознания (среди его разновидностей различной функциональной направленности) нашло характерное и достаточно точное отражение в истории отечественной этнологии и ее осмыслении разными авторами. Имеются в виду две работы с одинаковым названием «История русской этнографии»: одна была написана в конце XIX в. А.Н. Пыпиным, другая – в 60-е годы XX в. С.А. Токаревым³. Последний, будучи крупнейшим отечественным этнографом нынешнего века, в своей монографии по существу впервые систематизировал огромный материал о предпосылках и истоках становления знания о народах в русской письменной традиции, о накоплении этнографических материалов и превращении их в науку о народах – специализированную область гуманитарного знания XIX–XX вв. В его изложении складывается картина постепенного накопления этнографических знаний благодаря трудам многочисленных наблюдателей (путешественников, летописцев, историков и пр.), возникновения потребности в их систематизации, появления первых этнографических научных учреждений, затем направлений научной мысли и школ, т.е. становления особой отрасли знания – науки этнографии. В целом складывается довольно типичная картина кумулятивного процесса возникновения нового качества, характерная для позитивистского и неопозитивистского подходов к истории науки.

Иной характер имеет труд А.Н. Пыпина, академика-литературоведа, никогда профессионально не занимавшегося этнографией. С.А. Токарев, довольно высоко оценив работу Пыпина как «капитальный компендиум» о русской этнографии XVIII–XIX вв., в котором «обстоятельно изложены взгляды всех более или менее видных писателей, критиков, ученых, публицистов, так или иначе проявлявших свое отношение к "народу", к "народности"», отметил, что «самое понимание этнографии у Пыпина довольно далеко от нашего»⁴. Как на недостатки подхода Пыпина Токарев указал на невнимание к истории накопления и обработки конкретного этнографического материала по культуре и быту народа, так же как к музейному делу, и т.д.⁵ Вопрос же о сути пыпинского понимания русской этнографии Токарев обошел, хотя и заметил, что смысл работы Пыпина – «история этнографических идей, идей о "народности"»⁶.

Мне же представляется, что здесь главный историограф нашей науки вольно или невольно несколько смешал разные формы национальной рефлексии, потому что «этнографические идеи» (научная форма) и идеи о «народности» вообще – не одно и то же. Для А.Н. Пыпина «история русской этнографии» заключалась не в истории этнографической науки как таковой, а в изложении развития русской этнонациональной рефлексии во всех ее разнообразных проявлениях. И в данном случае он за неимением понятия «этнонациональная рефлексия» не вполне точно употребил словосочетание «русская этнография», хотя этнографическая научная традиция в его время уже сформировалась и определилась. Пыпин, однако, ставил перед собой задачу проследить ход развития общественных взглядов на «народность» в основном в ту эпоху становления русского общественного сознания, когда в структуре этого сознания сами разновидности рефлексии еще недостаточно дифференцировались и профессионализировались. Они долгое время функционировали как бы слитно, в едином потоке, в некоей довольно аморфной литературно-публицистической оболочке (неслучайно в томах Пыпина едва ли не самое видное место отведено деятельности литературных журналов). Для самого же Пыпина и в конце XIX в. проблема осмысления состояния «народности» (или, как мы выражаемся сейчас, русского этнического самосознания) отнюдь не представлялась исключительным объектом изучения со стороны ученых-этнографов. Деятельность ученых виделась ему лишь как один из составляющих элементов процесса самопознания в образованном русском обществе.

Если не учитывать особенности такого видения предмета этнографии, действительно трудно понять, для чего, например, автор посвящает десятки страниц литературным спорам вокруг сказок Пушкина или каких-то иных произведений на «народные» темы и о народе, а также спорам, в которых «романтическое» восприятие народной истории, культуры, обычаев, «народного духа», их героизация, поэтизация, вольная или невольная идеализация становились предметом осмысления и соотнесения с представлениями общества о сущности русской народности, состоянии народности и путях ее развития, отвечающих «задаче момента». В аспекте таких размышлений довольно характерной представляется позиция Н.И. Надеждина, который в 1830-е годы несколько настороженно принял пушкинские вариации на темы «простонародной старины». Ему виделась некоторая опасность для русского общества в романтизации допетровского быта, ибо полная русская история, по его представлениям, начиналась только с Петра, со становления России как европейского государства (статья «Дает ли русская старина поэтический материал для обновления народного духа в литературе»).

По-видимому, именно такие размышления привели Надеждина в конце 1840-х годов, когда он возглавил Отделение этнографии РГО, к формулированию задач этнографии прежде всего как научной формы самопознания государствообразующего народа Российской империи – русских – на основе детального и тщательно отработанного исследования всех без исключения сторон, форм и проявлений его бытия, материального и духовного⁷. Надеждин разработал конкретные направления такого изучения, тесно смыкавшиеся со многими смежными дисциплинами – антропологией, историей, лингвистикой, фольклористикой, литературоведением и др.

Примечательно, что в фокусе внимания ученых, работавших в этих смежных дисциплинах, как раз вопросы углубленного самопознания народности находились на первом месте. Так, Пыпин, оценивая роль работ мифологического направления в русской фольклористике (которая для него была той же русской этнографией), заметил, что они осуществили переворот в способах исследования народной жизни и самом взгляде на историческое развитие. Хотя этнография по-прежнему разрабатывалась многосторонне, но со времен Ф.И. Буслаева, признанного главы мифологической школы 1850–1860-х годов, был поставлен вопрос «об органических элементах истории, о свойствах народного характера, определивших склад общества и государства, о последовательном развитии, осложнении и изменении этих элементов». А.Н. Пыпин видел заслугу «мифологов» прежде всего в том, что с появлением их работ во главу угла встала проблема народности: «Науки, шедшие до сих пор раздельно, без ясно осознаваемой связи между ними, объединяются, и целью истории стало окончательно не одно государство, а именно национальный организм, государство, народ и общество в их тесной физической и органической связи»⁸.

Итак, исследователи середины XIX в., касавшиеся изучения народного бытия, в значительной степени концентрировали свои усилия на проблемах национального самопознания средствами науки, для чего им представлялось необходимым объединение сил разных дисциплин. Это направление поисков было, конечно, не единственным, в том числе в этнографии. И я предпринял этот краткий историографический экскурс с целью констатировать факт: для этнографии того времени подобная задача являлась одной из приоритетных. Однако фактом, требующим объяснения, остается другое: научная этнографическая традиция XIX в. данную задачу не реализовала и даже существенно от ее реализации отошла, оставив ее иным, чем научная, формам этнонациональной рефлексии или же предоставив приоритет в этой сфере «смежникам» – историкам Отечества, фольклористам, филологам и др.

Анализ изменений исследовательского интереса в русской науке второй половины XIX в. требует, конечно, специального историографического изучения, тщательного и скрупулезного исследования, что далеко выходит за рамки статьи. Тем не менее избранная тема требует ответа на вопрос о причинах утраты русской этнографией «вкуса» к научной саморефлексии. На мой взгляд, они объясняются как особенностями внутреннего развития страны в 1860–1870-е годы, так и общемировыми веяниями в

науке. К внутренним причинам я бы отнес отмену крепостного права, сделавшую одним из самых актуальных сюжетов изучение обычного права, народных юридических обычаев и их генезиса. Такие работы в пореформенное время становятся особенно популярны. И в то же время в российскую науку, и в этнографию в том числе, начали активно внедряться эволюционистские взгляды и концепции.

Именно эволюционистские теории с их исключительным интересом к вопросам происхождения и эволюции социальных и культурных феноменов единого человечества прочно и надолго сфокусировали исследовательское внимание на поисках архаических элементов, выявлении исходных, «начальных» форм, выяснении хода их развития, эволюции, «выстраивании» этнокультурного многообразия мира в эволюционные ряды. Живые современные этносы с особенностями их культуры представлялись результатом эволюции, архаичные элементы в их социокультурной действительности – «пережитками», а задачи науки концентрировались на определении исходных форм и цепочек их трансформаций. Так, в центре внимания российской этнографии оказалось изучение исключительно доиндустриального быта народов.

Хорошо известно, сколь сильны были позиции эволюционизма в дореволюционной этнографии. Только в начале XX в. стали раздаваться критические или скептические голоса в адрес эволюционизма (А.Н. Максимов, В.Н. Тенишев, Н.М. Могилянский, С.М. Широкогоров)⁹, но изменить общей картины они еще не могли. Во главе научных учреждений и школ продолжали стоять эволюционисты. Именно эти обстоятельства привели к тому, что в какой-то степени «ниша» в области научной формы национальной саморефлексии была занята историками или лингвистами (С.М. Соловьев, В.О. Ключевский, А.Н. Веселовский, А.А. Шахматов и др.), но не этнографами.

Своеобразная ситуация конца XIX – начала XX в. в сфере национальной саморефлексии дополнялась также тем, что для русских как государствообразующего этноса империи, давно и прочно самоутвердившегося в государственном отношении, политической остроты национального вопроса на уровне массового сознания не существовало. В сознании же образованной части общества этот вопрос существовал и осмысливался главным образом в плоскости отношений «русские – инородцы» или отношений России и Европы, причем по преимуществу в плане морально-этическом или религиозно-мистическом (мессианство). И только обострение межэтнической ситуации в годы первой русской революции вызвало ответную идеологическую реакцию в виде правоохранительной идеологии.

Обострение межнациональных противоречий, рост национального самосознания у народов обширной многонациональной России в начале XX в. были вполне закономерны и представляли собой оборотную сторону индустриализации и модернизации, которые все глубже проникали во все поры народного бытия. Пестрота национальных форм и диспропорции развития породили широчайший спектр специализированных идеологических и политических разновидностей рефлексии, идеологических доктрин, лозунгов и программ политических партий в национальной сфере – от местных национализмов и русского национализма и шовинизма до интернационализма, от лозунга «единой и неделимой» до постулата о праве наций на самоопределение вплоть до отделения. В этот период собственно научная форма саморефлексии (в виде хотя бы простого объяснения положения, состояния, уровня развития, перспектив народов страны) явно отставала от роста самосознания и активизации политико-идеологических форм; этнография такими сюжетами практически не занималась.

Победа социалистической революции, в ходе которой успех большевиков в немалой степени оказался обеспечен и за счет более гибкого учета национального фактора в настроениях масс, чем у всех их оппонентов, привела к реализации сложной модели национально-государственного устройства, во многом унаследованного сегодняшней Россией от СССР¹⁰. Опыт отечественных этнографов и их практические знания были, как известно, довольно широко использованы при проведении национально-государственного строительства. Однако теоретическое осмысление процессов бытия народов в условиях индустриального общества, к сожалению, не стало задачей этнографичес-

кой науки, оказалось полностью монополизировано «марксистской теорией нации».

Касаясь теории нации в марксизме, следует сказать, что основоположники учения такой теории не создали, да и задачи подобной, по-видимому, не ставили, хотя в их работах социально-политического и экономического характера содержалось достаточно много интересных и вполне плодотворных наблюдений относительно роли национального фактора в процессе вызревания капиталистической системы, главным образом на европейском материале. Поэтому приписывать понимание термина «нация» в этническом аспекте в отличие от понятия нации как согражданства марксистской и/или веберовской традициям в научной мысли, как это делают некоторые современные исследователи термина, едва ли корректно¹¹. Если быть точным, и та и другая традиции почерпнули такое употребление и понимание термина «нация» у отца европейского историзма Дж. Вико¹². По существу в научной и околонуучной традициях Европы оба варианта термина «нация» – и этнический, и этатистский – употреблялись и употребляются параллельно, что, конечно, совсем не прибавляет ему точности и конкретности¹³. Тем не менее в лексиконе К. Маркса и Ф. Энгельса «нация» как понятие, обозначающее определенный социально-исторический феномен, чаще всего употреблялось в связи именно с процессами развития европейского капитализма и становлением структуры «гражданского общества» в основном на базе моноэтнических государств Европы, хотя справедливости ради необходимо отметить, что можно обнаружить слово «нация» и по отношению к народам раннего европейского средневековья как синоним национальности. Кстати, точно так же употреблял слово «нация» Дж. Вико, относя его и к современным ему народам и государствам, и к этносам более ранних эпох («варварские нации»).

То же, что в отечественной историографии долгое время принято было именовать «марксистской теорией нации», родилось, как известно, в ходе полемики, начатой И.В. Сталиным накануне первой мировой войны с австрийскими социал-демократами К. Реннером и О. Бауэром с их довольно идеалистической трактовкой нации. Данное Сталиным определение нации состоит из четырех обязательных признаков: общность территории, языка, экономики и психического склада, проявляющегося в общности культуры. В пространной статье Сталина содержалось немало достаточно точных и достоверных наблюдений о закономерностях развития народов в условиях становления капитализма. Однако по большому счету до уровня теории она никогда не достигала, а методологически прием выделения субстанции нации в этническом аспекте путем перечисления набора признаков и вовсе представляется неверным. Тем не менее инерция мышления сложившимися стереотипами оказалась столь велика, что бесплодные попытки определить понятие нации, как и этноса, путем перечисления набора признаков продолжают до сих пор, и в этом отношении главный критик понятия «нация» с конструктивистских позиций В.А. Тишков прав в своем скептицизме¹⁴.

При этом в нашей науке, изучающей все формы, типы, вариации этносов и этнических процессов, сложилась довольно парадоксальная, хотя и вполне объяснимая ситуация. Многие десятилетия после Октябрьской революции отечественной этнографии навязывалась теоретическая парадигма взгляда на этническое и культурное многообразие мира, в основе которой лежал марксистский формационный подход к истории¹⁵. Она строилась на социально-экономической концепции, которую профессионалы – создатели философии исторического материализма – переносили на историю человечества. Это была объяснительная концепция, давшая упрощенную схему исторического процесса в параметрах теории классовой борьбы и неизбежности пути человечества к коммунизму, т.е. в сущности не столько научную теорию, сколько идеологическую доктрину. В этой последней должны были найти объяснение и место все историко-культурные феномены человечества, в том числе и общности этнонационального типа.

Из таких потребностей, на основе анализа данных о формах и способах этнонациональной организации народов мира, и родилась теория племени, народности и

нации как типов этнической общности («трехчленка»), привязанная к формационной «пятичленке»: племя как тип этнической общности для доклассовых обществ, народность – для рабовладения и феодализма, нация – для капитализма и социализма. Профессиональные этнографы к созданию теории типов этнической общности и их «прогрессивной смене» фактически отношения не имели. Но, демонстрируя приверженность истмату, должны были иллюстрировать схему, наполняя ее конкретным историческим материалом.

Сложность для профессионалов-этнографов всегда заключалась в том, что этнокультурное многообразие мира не вмещалось в прокрустово ложе квазимарксистской «трехчленки», а представления и о племени, и о нации как типах этнической общности не соответствовали многочисленным данным об этнической идентификации как на архаических этапах, так и в новое и новейшее время. Однако дилемма заключалась в том, что при этом и племя как потестарная структура доклассовых обществ, и нация как социальный феномен нового периода истории являлись объективными реалиями развития человечества, не считаться с которыми невозможно. Вопрос лишь в том, что это не типы этнической общности: если племя и нацию рассматривать как характеристики состояния этноса на определенном этапе его истории, как закономерные, хотя и преходящие формы структурно-организационных связей к среде этнического сообщества, никакой дилеммы здесь, вероятно, не возникло и не возникало бы.

Итак, проблемная ситуация в науке о народах заключается в том, что объективная реальность существования народов – этнических общностей, или групп людей, осознающих свою принадлежность к сообществу, которое отличает себя от иных подобных и имеет самоназвание-этноним, не похожий на другие, – факт мировой истории, не считаться с которым нельзя. Таким же объективным историческим фактом являются социальные феномены организационно-структурного характера от племени до нации. (Организационно-структурные характеристики народности средневековья я здесь намеренно опускаю, так как это понятие несколько иного рода – организационно-структурные начала в ней не выражены или аморфны.) Однако совместить понятие «этнос» с понятиями «племя» и «нация» возможно далеко не всегда. Такое совмещение скорее исключение, чем правило, и назвать конкретные бесспорные его примеры трудно. Таким образом, мы снова возвращаемся к проблеме субстанции этноса, обойти которую невозможно.

Парадоксальность ситуация в современной науке заключается в том, что с освобождением от влияния и воздействия идеологической догмы истмата в отечественной этнологической теории возник вакуум. Конечно, немалая часть специалистов по инерции мышления продолжают считать племя, народность и нацию единственно возможными типами этноса. Для большинства же отечественных этнологов только этнос остается базовой категорией – объективным явлением истории и современности, предметом и объектом изучения, реальность которого не подлежит сомнению независимо от того, определяют ли они его как субстанцию через сумму обязательных признаков или каким-либо иным образом. Это позволяет многим профессиональным этнологам по-прежнему более или менее успешно заниматься конкретным исследованием происхождения народов и их культур, их взаимовлияния друг на друга, их изменений, т.е. всеми теми сюжетами, которыми всегда занималась традиционная этнография.

Расхождение между имеющими самосознание и самоназвание народами современности (этносами) и теоретическим конструктом нации, понимаемым как тип этноса, невозможность приложения к множеству современных этносов канонического определения нации, разумеется, давно вызывали у этнологов терминологическую путаницу. Попыткой компромиссного выхода из этой ситуации являлось долго внедрявшееся в научную среду предложение Ю.В. Бромлея о разделении термина «этнос» на «узкое» («этнос в узком смысле», или этникос) и «широкое» («этносоциальный организм», или ЭСО) значения. Предполагалось, что нация должна характеризоваться параметрами ЭСО, хотя точных выверенных научных критериев отличия этноса-нации от этноса-

ненации предложено не было. На деле это не более чем логическая уловка, с точки зрения формальной логики совсем не безупречная. Получалось, например, что обладающие самосознанием люди, относящие себя к народу-этносу, далеко не всегда или далеко не все составляют социальный организм (что в сущности ставит под сомнение принадлежность этносов к категории социумов) или что единица «узкого значения» термина может включать в себя больше одной единицы широкого значения¹⁶.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что в постсоветские времена, когда давление истматовской догмы теории нации постепенно преодолевается, понятие о нации как научной категории стало выходить из употребления в этнологической науке. Специалисты стараются обходиться без него, исследуя такие явления, как межэтнические отношения, межэтническое взаимодействие, этнические конфликты, и т.д. Все это закономерно, учитывая, что теория нации в исполнении советского обществоведения действительно не выдержала проверку ни временем, ни практикой. Однако и слово «нация», и производные от него «национальный», «национализм» и другие остаются в самых разных сферах общественной жизни. Национальная политика, национальные и межнациональные отношения – все эти словосочетания приняты и широко употребляемы как на уровне массового сознания, так и в лексиконе политиков, идеологов, средствах массовой информации.

В результате возникло течение (яркий представитель его – В.А. Тишков), поставившее задачу доказать, что если под понятием «нация» применительно к объективной этнокультурной реальности народов мира нет разработанной научной основы, то от употребления этого понятия следует отказаться как от ничего на самом деле не выражающего и только осложняющего политическую жизнь и обостряющего напряженность в обществе. Но сразу возникает вопрос о том, кому конкретно адресован призыв «забыть о нации»? Ученому сообществу? Но последнее и так предпочитает пользоваться менее, чем другие, себя «скомпрометировавшим» термином «этнос», в общем-то спокойно обходясь в своих штудиях без понятия «нация». Политикам и идеологам? Массовому сознанию?

Обращение к последнему граничило бы с откровенной наивностью. Даже в Европе прижившееся в политическом лексиконе этатистское понимание нации на уровне бытового благополучно сосуществует с оттенком этническим. В нашем же Отечестве слово «нация» столь давно и прочно укоренилось в сознании народов и в бытовом словоупотреблении как синоним национальности (абсолютно безотносительно к сущностному значению, вкладывавшемуся в термин творцами «теории нации» как высшего типа этнической общности), что изменить это сейчас невозможно даже под страхом смертной казни.

Если же призыв «забыть о нации» обращен больше к политикам и идеологам (а это, судя по всему, именно так), то он страдает не только утопичностью самой идеи, но и (что с профессиональной точки зрения хуже) непониманием специфики этих форм общественного сознания в их проекции на этнонациональную рефлексию, неспособностью или нежеланием видеть функциональное предназначение этих форм, их отличие от науки. Совершенно справедливо и точно высказалась по этому поводу К. Вердери, отметив, что неоднозначность понятия «нация» затрудняет его научный анализ, но облегчает его использование в политической практике¹⁷.

А раз манипулирование термином имеет для кого-то политические и идеологические резоны и способно принести соответствующие дивиденды, какие могут быть основания полагать, что можно уговорить политика и идеолога отказаться от удобного термина? Как остроумно заметил А.А. Зиновьев, доказав идеологу, что он неправ с научной точки зрения, вы лишь докажете, что идеология не есть наука. А это, в общем-то, ясно и так – функции у идеологии и науки разные. И на вашу тысячу доказательств идеолог всегда найдет три тысячи других, тоже «научных» (благо что арсенал научных поисков всегда содержит альтернативы), если ему это нужно и выгодно.

При этом я полностью разделяю и поддерживаю критику В.А. Тишкова в адрес политиков, идеологов и тем более коллег-антропологов, связанную с двойными

стандартами и соответствующими им политическими выводами о судьбах и статусе народов: одни из них можно именовать «нациями», к другим же такой термин, влекущий за собой реализацию неких политических статусных изменений, предпочитают не применять, хотя для его употребления оснований ничуть не меньше. В этом вопросе необходимы четкие и ясные критерии и строгий подход с едиными стандартами, исключающими возможность политических спекуляций, оборачивающихся кровью и страданиями невинных людей. Но это – гражданская позиция, и борьба за ее реализацию должна вестись всеми возможными средствами, в том числе воздействием на научное сообщество в расчете на заключение в перспективе соответствующих международных соглашений и создание строгих юридических норм.

Здесь, конечно, необходим «нулевой вариант»: слишком хорошо известно, то «гетероглоссия» в области права не создает ничего, кроме условий для правового беспредела, анархии и насилия. Наука должна внести собственный весомый вклад в решение общечеловеческих проблем, не иначе как добросовестно, честно выполнив свои профессиональные функции, т.е. ответив квалифицированно и профессионально на «простые» вопросы: что такое нация, существовал и существует ли такой феномен; если да, то с чем связаны и от чего зависят его рождение и существование; какова его связь с этносом и этническими явлениями и процессами. Это – минимум, список вопросов можно продолжить.

Ответ же, предлагаемый конструктивизмом как одним из господствующих на сегодня направлений научной мысли, вероятно, слишком прост, чтобы быть истиной: нация – лишь искусственный конструкт, не нация создает национализм, а национализм создает нацию. В исследовании того, где и как это происходит, специалисты указанного направления сделали немало полезного, создав солидную серию увлекательных и блестящих работ. Но если даже допустить, что они правы, никто из них пока не ответил на вопросы, откуда берется национализм, с какими тенденциями в этнической жизни связано его возникновение, какие факторы этнокультурной действительности вызывают потребности в таковой идеологии. В лучшем случае имеют место указания на конкретные политические силы или лица, их представляющие, конкретные обстоятельства жизни народов в экономике, политике или культуре.

Такое простое решение вопроса о национализме и нации как конструкте, им порожденном, с логически вытекающей апелляцией к политической воле как инструменту нейтрализации крайне экстремистских националистических проявлений, как и деление национализмов на «положительные» и «плохие», агрессивные (что само по себе уже содержит возможности применения двойных стандартов), есть не что иное, как изящная форма ухода от ответов на профессиональные вопросы. Настоящий профессиональный ответ на них должен отталкиваться, несомненно, от фундаментальных, корневых специальных понятий науки: что такое этнос, в чем заключается его видовое отличие, его субстанция, для чего он нужен как форма бытия человека и человечества, как и почему он воспроизводится.

Конструктивизм в антропологии, являясь порождением и детищем постмодернизма в интеллектуальной жизни XX в., унаследовал основные родовые признаки последнего, основываясь на тезисах о фрагментарности мира, возведенной в абсолют, и о принципиальной бесполезности поисков общего, закономерного. Возникнув в рамках культурной и социальной антропологии, пришедших на смену эволюционистской этнографии XX в. с ее стремлениями к выведению всеобщих законов развития, он воспринял и породившие эти отрасли науки специально-профессиональные интересы. Вероятно, несколько упрощая ситуацию, можно сказать, что культурная и социальная антропология были реакцией социальных наук на культурный и социальный полиморфизм индустриальной урбанистической цивилизации XX в. Главным вопросом, на который следовало ответить этим наукам, был вопрос не «что это такое и как это возникло?», а «как это действует?»¹⁸. Дальнейшим шагом стало обострение внимания к процедуре познания действующего объекта, проблеме понимания и взаимопонимания изучающего и изучаемого.

Я несколько не возражаю против вопросов такого рода, их постановка закономерна, необходима и полезна. Опасны не они, опасна абсолютизация подходов, в данном случае онтологического и эпистемологического, к объекту изучения – этносу, его проявлениям и формам его бытия. Представляется, что столь резкое противопоставление онтологического и эпистемологического в изучении этносов и наций, отрыв поисков сущностных оснований от изучения визуально наблюдаемых или раскрываемых при помощи исследовательских методик проявлений, подчеркнутое и нарочитое педалирование на различиях и фрагментарности едва ли способны дать плодотворные результаты в научном поиске. Несколько утрируя, можно сравнить такую ситуацию с тем, как если бы медикам вдруг пришло в голову принципиально разделить на признающих анатомию и отрицающих физиологию, и наоборот. С точки зрения оценки возможностей познания в постмодернизме, вероятно, прав его немецкий критик философ и социолог Юрген Хабермас. Он отмечал, что «устрашение единым, аффективные выпады против всеобщего, хвала множественности, иному, различию – затемняют диалектическую связь между тем и другим»¹⁹.

Принципиальный же тезис конструктивистов о том, что нация есть искусственный и рукотворный результат воздействия на сознание народов со стороны интеллектуалов и политиков, с моей точки зрения, есть не что иное, как упорное желание вломиться в открытую дверь. Ведь и этнос, и нацию объединяет такой несомненный и единственно бесспорный видовой признак, как наличие самосознания и самоназвания²⁰. Возникновение того и другого всегда, во все эпохи и на любых этапах развития народов – следствие и результат осознанного процесса идентификации, совершаемого не иначе, чем методом самоосознания, рефлексирующими личностями, и внедряемого и утверждаемого в сознание этнической массы путем передачи информации – результата рефлексии. Таким образом, независимо от того, конструктивистски или примордиалистски подходит к существованию народов, в любом случае это явление не может существовать без деятельности рефлексирующих интеллектуалов или специалистов (даже в архаических обществах) и одобрения и принятия результатов рефлексии массой (что, кстати, тоже предполагает некоторую рефлексию).

На какой же почве рождается потребность в идентификации, или, иными словами, является ли результатом рефлексии отражение какой-то объективной реальности или же этот результат – игра и плод воображения, полет фантазии, некая условность, итог умственных упражнений, отсутствие или перемена которых принципиально ничего в жизни человека не изменяют? (Снова тот же сакраментальный вопрос о природе этноса и этнического.)

Нетрудно, конечно, представить себе человека с частичной амнезией, забывшего о своей этнической принадлежности и оказавшегося в условиях необитаемого острова. Но если этот индивид сохранил навыки жизнеобеспечения, полученные в ходе социализации, сказать о нем как о существе этнически стерильном уже невозможно, ибо обеспечивать свою жизнь он будет тем или иным этнически окрашенным способом.

Позиции примордиализма и конструктивизма на этом простом примере как будто диаметрально расходятся. С точки зрения второго, данный индивид безнационален, раз он о себе этого не знает; с точки зрения первого – национален, если он ведет себя этнически специфицированным образом, даже не зная этого и об этом не думая. И в этом примордиалист будет, по-видимому, ближе к истине. Вместе с тем приведенный гипотетический пример показывает уязвимость обеих позиций в понимании сущности этноса и этнического. Конструктивизм склонен эту субстанциальность вообще подвергать сомнению, классический примордиализм придерживается мнения о ее биологической (или биосоциальной) природе, свободной и независимой от представлений и воли людей.

В одной из недавних публикаций С.Е. Рыбакова была предпринята интересная попытка найти основания этнической субстанции с философско-антропологической точки зрения, в целом близкая биологическому примордиализму²¹. Автор попытался

показать место этнического в человеке через особенности его адаптации в среде обитания, осуществляемые передачей этнокультурной традиции. По его мнению, это происходит на основе сочетания двух уровней этничности – сознательного (в исследовании данного уровня он отдает должное конструктивизму) и бессознательного. Последнее заключается в межпоколенной передаче информации путем сигнальной наследственности, основанной на замкнутой генетической связи внутри популяции (поэтому автор уделяет внимание этнической эндогамии).

Не отрицая саму возможность поисков каналов передачи способов адаптации человека к среде на генном уровне (или хотя бы на уровне подсознательного), выскажу все же основные возражения против такого подхода к этносу. Человек – единственное из живых существ, способ адаптации которого к среде обитания передается не через генный код, а через культуру, передачей культурной традиции, в чем его главное видовое отличие от животных. Именно поэтому этническая идентификация происходит только через сферу сознания, путем усвоения кода культурного в процессе социализации индивида. Против высказанных С.Е. Рыбаковым предположений свидетельствуют многочисленные примеры и невольные эксперименты, когда стечением обстоятельств грудные дети, изъятые из среды, в которой родились, и воспитанные приемными родителями иной этнической принадлежности, вырастали и наследовали этническую принадлежность не физических родителей, а принявшей их среды, и если они при этом не сильно отличались от нее по антропологическим признакам, идентификация была абсолютной и полной.

Вместе с тем автор этой гипотезы, по-видимому, прав в том, что путь к постижению этнической субстанции лежит именно через понимание связи этноса и человеческого способа адаптации к среде обитания. Здесь кроется разгадка всех многочисленных метаморфоз этнического деления человечества и его движений, изменений, модификаций, не дающих возможности найти заветный набор признаков «неуловимого фантома». Ибо этническое сообщество (этнос) есть сообщество людей, возникшее и существующее на базе особого, присущего данной совокупности индивидов способа адаптации к среде обитания, сближающего их друг с другом и отличающегося от носителей других подобных массовых групповых способов адаптации настолько, насколько это служит достаточным основанием для коллективной групповой идентификации. И передается этот способ через культуру, культурную традицию, через систему норм и ценностей и их усвоение, присущие каждой этнической культуре, утверждаемые и поддерживаемые этнически специфичным комплексом представлений о добре и зле, на что также совершенно правильно указывает С.Е. Рыбаков в другой статье²². Именно культурный код и есть видовой отличительный признак человека. У животного нет понятий о добре и зле. У человека же он передается не биологически; его носитель, хранитель и передатчик – социум, среда.

Из этого обстоятельства следует и другое принципиальное положение, объясняющее динамику этнокультурного развития мира. Способ адаптации к среде изменчив и особенно подвержен изменениям в связи с изменениями в самой среде (рост населения, миграции, нашествия, войны, изменения климата, экоусловий и т.д.). Под воздействием подобных факторов происходят те или иные, большие или меньшие, изменения культурной традиции: навыков жизнеобеспечения и связанных с ними материализованных элементов культуры, представлений о мире и прочих этнически маркированных составляющих человеческой жизни, совершаются заимствования у соседних народов, т.е. этнокультурные изменения. В доиндустриальных обществах, когда сами элементы культуры наряду с языком выполняли функцию «паспортной характеристики» и тем самым служили этнической связью, накопление заимствований и изменений сверх какого-то критического уровня нередко вело и к смене этнической идентификации²³.

Таким образом, в основе выделения этнической субстанции лежит прежде всего коллективно выработанный способ адаптации к среде (вместе с механизмами его передачи и воспроизводства), способный к изменениям наряду с изменениями самой

среды. Он базируется на многосторонней и разветвленной системе связей, пронизывающих этническое сообщество (сюда входят и способы связи с природной средой, или система жизнеобеспечения, и связи в социуме). Один из этих связей «работают» на консолидацию этноса, другие же могут нести центробежный заряд, в силу чего мы имеем дело с разными вариантами этнических и этнокультурных процессов, с этнической динамикой человечества. Система связей подвижна и изменчива, но она – неперемное условие функционирования этноспецифического способа адаптации к среде²⁴. Именно по причине ее подвижности попытки определить сущность этноса перечислением набора признаков столь безуспешны и принципиально неверны. Незменным остается лишь принцип бытия и воспроизводства человеческого общества через принадлежность к этносам и этническим культурам, материализованным в особенностях способа адаптации к среде. От степени же интенсивности и плотности этноконсолидирующих связей зависят выраженность или размытость, нечеткость, многоуровневость этнического самосознания.

Но в истории народов мира и человечества в целом имелись периоды, когда сами способы адаптации к среде обитания менялись кардинальным образом, меняя соответственно всю структуру и иерархию этнических связей и вызывая вслед за этим крупные этнические и этнокультурные изменения. Таким периодом принципиального изменения этноспецифицированных способов адаптации был переход от традиционных доиндустриальных обществ, строившихся на базе натурального жизнеобеспечения, к индустриальной цивилизации, основы существования которой – дифференциация и специализация деятельности и обмен ее результатами. Этности стали одними из необходимых предпосылок и условий процесса вызревания самого этого нового способа жизнедеятельности, так как обладали уже готовым средством общения (это необходимо для функционирования системы обмена результатами деятельности через рынок) – национальным языком.

Внутриэтническое разделение деятельности и становление системы обмена ее результатами через рынок и создали в конечном счете новый способ адаптации к среде – индустриальный, в котором сущностно заложены универсально-всеобщие, а не этноспецифицированные начала. Результатом этого процесса было рождение и принципиально новой связи внутри этноса, ставшей у народов, вступивших на путь индустриализации, ведущей связью, – *национальной*. Те слои этноса, которые объединены системой дифференцированной специализированной деятельности и обмена через рынок и жестко связаны друг с другом отношениями собственности, и представляют собой социально-исторический феномен раннебуржуазной *нации* в этническом понимании.

Часть этноса, объединенная этой новой экономической связью, и есть конструкт *нации*²⁵. Одновременно она является для всего этноса мощнейшей этноконсолидирующей силой и, как правило, самой его социально и политически активной частью, не обладая при этом особым, новым, отличным от общеэтнического, самосознанием. Связь, объединяющая нацию, конкретна и действительна в синхронии, хотя и представляет собой как социум категорию абстрактную, не поддающуюся точному учету, в отличие от этноса, обладающего самосознанием и легко фиксируемого с точностью до человека при проведении переписей.

В этом смысле вполне уместно признать частичную правоту конструктивистов: да, нация – конструкт, рожденный сознанием, плод рефлексии в том смысле, что она видна только как результат анализа, вычлняющего ее как связь и как конструкт. Для того, кто этого не делает, ее как бы и не видно. Но здесь та же ситуация, что и с визуальным наблюдением хода солнца вокруг Земли. Зная природу этого эффекта, мы не делаем вывода о неверности теории Н. Коперника. Если мы не видим или отрицаем нацию, от этого данная форма связи не перестает существовать. Вместе с тем нация как исторический феномен, не совпадая полностью с этносом (что есть закономерное явление в условиях трансформации способа адаптации к среде – многие этнические связи диахронны и продолжают сохранять свое значение), не есть тип этноса, но лишь

характеристика принципиально нового состояния того или иного этноса в ходе становления новых принципов и способов адаптации.

Кроме того, национальная экономическая связь своим появлением рождает новые и очень эффективные, важнейшие в условиях нового времени форму и тип этнической связи – национальную культуру профессионального уровня. Она рождается из потребности определенной профессиональной подготовки к функционированию этноса в условиях дробно дифференцированной и специализированной деятельности, т.е. влечет создание национальной системы образования и разветвленного социально-культурно-воспроизводственного комплекса. В создании национальной культуры профессионального слоя и системы образования на языке этноса заключена как раз важнейшая историческая миссия нации в этнокультурном аспекте, потому что этот итог экономической стороны нацееобразования в условиях индустриальной цивилизации очень быстро приобретает характер всеобщей и ведущей этноконсолидирующей связи, важнейшей для этноса в целом.

С созданием профессионализированной культуры этноса с ее сложными разветвленными институтами связаны два очень важных момента для понимания положения этноса в обстоятельствах изменения способа адаптации к среде. Одна из функций этой профессионализированной культуры – создание у этнической массы образа своего народа и представлений о его истории вообще и его месте в ней (формирование этноисторического сознания). В рамках этой культуры происходят специализация и профессионализация разновидностей этнонациональной рефлексии, о чем шла речь в начале статьи (политическая, идеологическая, художественно-эстетическая, научная), т.е. весьма существенно усиливаются степень и возможности целенаправленного воздействия на массовое сознание И в данном случае конструктивизм с его вниманием к этой стороне жизни народов опять же частично прав²⁶.

Второй же аспект профессионализации культуры этноса еще более важен для этнологии, так как он показывает место этноса в становлении индустриального способа адаптации к среде. Национальная экономическая связь как таковая, выполнив свою функцию на раннем этапе становления капитализма, по сути на этом собственное предназначение исчерпывает. По мере вызревания индустриального капитализма, модернизации традиционных обществ национальная экономическая связь становится для полномасштабного развития нового способа существования слишком узкой. Она уже ограничивает рост и возможности этого способа, что мы и наблюдаем с появлением межрегиональных, транснациональных и глобальных связей, преодолевающих как государственные, так и этнические границы.

Вместе с тем деятельность индивида любой национальности даже в условиях глобализации экономических отношений возможна не иначе, как через посредство специально-профессиональной подготовки к такой деятельности, осуществляемой в рамках национальных образовательных культурно-воспроизводственных институтов. Таким образом, значение этносов и этнической принадлежности как неперемennого условия функционирования коллективной системы адаптации к среде сохраняется и на данном этапе.

Безусловно, только этим воздействием новой системы связей на этнос не ограничивается. Уже ранние проявления экономико-хозяйственных изменений способа адаптации к среде формируют и социально-политическое ядро этноса, политический конструкт буржуазной нации – гражданского общества. Если на этнической основе складывается государственность, это также становится мощной этноконсолидирующей связью для всего этноса. Этносам, опоздавшим со вступлением на путь индустриализации и модернизации, а тем более не имевшим собственной государственности, нередко приходится преодолевать множество экономических, политических, культурных и иных препятствий, чтобы более или менее благополучно включиться в эти процессы, в том числе создать собственную профессиональную культуру как способ и условие включения в новую систему воспроизводственных связей. В противном случае ее отсутствие или консервирует традиционную систему жизне-

обеспечения (причем складываются неравноправные связи с более развитыми индустриальными регионами и народами), или ведет к пользованию иноэтничными культурно-образовательными институтами и в перспективе – к ассимиляции.

Из потребностей такого рода и возникают, собственно, национальные движения и национализмы, и соответственно усиливается их воздействие на сознание этнической массы. Впрочем, это, конечно, не единственно вероятные течения: превращение общества в сложноструктурированное, противоречивое по своим интересам создает такие обстоятельства его общественной жизни, при которых сами возможности выражения общенациональных интересов проблематичны²⁷.

Здесь уместно вкратце охарактеризовать сферу советской национальной политики, нередко оцениваемой ныне как некое искусственное нациестроительство, хотя такая оценка и встретила справедливое возражение, заключающееся в том, что без необходимых предпосылок искусственно создать нацию или новый этнос нельзя²⁸. Представляется, что время для адекватной оценки того, что именно построила советская власть в национальной сфере, еще не пришло. Хотя, с точки зрения высказанных выше соображений, советская власть провела уникальную работу по созданию системы образования и культурно-воспроизводственных институтов у множества народов страны. Она выполнила ту функцию, которую недовыполнила и, вероятно, едва ли могла бы выполнить в необходимом объеме раннебуржуазная экономическая связь при естественных процессах буржуазного развития.

Возможно, когда политизированность оценок советской истории уменьшится, сами народы оценят, что многие из них получили культурно-воспроизводственные структуры в чрезвычайно льготных и щадящих обстоятельствах, по-своему уникальных и неповторимых. Ведь воспроизводственные механизмы национальных культур профессионального слоя возникли у них не как итог буржуазного нациеобразования со всеми его неизбежными издержками и трудностями в условиях многонациональной империи, а как волевое целенаправленное действие государства. Располагая ими, эти народы имеют теперь перспективы сохранять и воспроизводить себя как этносы индустриального и постиндустриального мира.

Подводя итог сказанному об изменениях способов адаптации к среде в индустриальном обществе, их воздействии на этносы и о месте самих этносов как «адаптационных» инструментов в новых обстоятельствах, следует подчеркнуть, что сложность и противоречивость этнокультурной истории нового и новейшего времени объясняются прежде всего разным стартовым уровнем в процессах модернизации и усилением диспропорций мирового развития. Но это сама по себе огромная, глобальная тема, разворачивать которую в статье не представляется возможным.

Здесь, применительно к нашей теме, важнее затронуть другую проблему, связанную с еще одним существенным изменением в способах адаптации человечества к среде обитания, наметившимся в современном постиндустриальном обществе. Это изменение определяется способом адаптации по принципу так называемых эргатических систем, где индивид, социум и техника составляют единое функциональное целое. При этом социум в данном случае представляется условным обозначением сложнейшей, но относительно слаженной системы организаций, которые взаимозависят друг от друга и взаимообеспечивают возможности соединения индивида с разнообразными техническими средствами удовлетворения его потребностей в производстве и воспроизводстве условий своего существования.

Такой способ адаптации к среде – не какое-то принципиально новое в сравнении с индустриализмом явление, он лишь следствие совершенствования принципов индустриализма, подъема на новый качественный уровень. Это касается в том числе совершенствования системы связей в социуме, отражение чего – глобальная компьютеризация. Человечество подошло вплотную к порогу, за которым эргатический воспроизводственный механизм может приобрести всемирно-планетарный характер, к чему постиндустриальная цивилизация стремится объективно, и наиболее экономически развитые страны и народы мира к этому реально близки. Мешает

прогрессу сохраняющаяся пока еще резкая диспропорция в уровне развития народов и регионов, в том числе разнохарактерность и неоднородность социумов, включая их этнические вариации (социум конфликтологи относят к наиболее хрупкой и неустойчивой части системы «человек – социум – техника»). Тем не менее тенденции эволюции способа адаптации к среде проявили себя уже достаточно явственно.

Что следует делать этнологии и этнологам перед лицом этих тенденций? Прежде всего озаботиться анализом изменений в этносе как общности, основанной на коллективно выработанном способе адаптации к среде, т.е. взглянуть на положение и воспроизводство народов мира с точки зрения их места в механизме эргатического взаимодействия. Учитывая масштабность проблемы, остановлюсь на немногих предварительных соображениях.

Во-первых, несмотря на происходящую на глазах глобализацию и универсализацию системы воспроизводственных связей в мире, в ближайшее время «отмены» места этнических связей в воспроизводстве человека не произойдет, и за этносами в обозримом будущем останется функция подготовки человека к дифференцированной и специализированной деятельности через механизм социализации, а это значит, что практика формирования у индивида этнически окрашенной системы норм и ценностей сохранится. Как бы это кому-либо ни казалось сегодня архаичным и рутинным, но пока, к счастью, человечество не изобрело «инкубаторских» способов воспроизводства и штамповки безнациональных индивидов. Передача основ культурного кода – базиса человеческой адаптации к среде – будет осуществляться в этнических рамках и в этом смысле да здравствует рутин!

Во-вторых, следует констатировать, что уже довольно давно, по мере развития и универсализации индустриального способа существования, этносы потеряли *самостоятельность* и *самодостаточность* в производстве и воспроизводстве условий существования как человека, так и самих себя. Сейчас их теряют по существу и государства, даже крупные и высокоразвитые, – настолько выросла и укрепилась взаимозависимость воспроизводственных связей. На заре индустриализма наиболее многочисленные и крупные нации обладали максимально большим набором видов дифференцированной деятельности²⁹, достаточным для внутреннего обмена и воспроизводства своих потребностей, а немногочисленные народы давно уже воспроизводили себя и свои потребности интегрированно и ассоциированно с более крупными соседями, будучи «встроенными» в интегративные системы дифференцированной деятельности³⁰. Постиндустриальное же общество, развив эргатические принципы адаптации, сделало принципиально невозможным автономное воспроизводство даже самых больших народов и государств (совсем не случайно единственная оставшаяся сверхдержава стремится объявить весь мир зоной своих стратегических интересов)³¹.

Однако на практике мир к полной реализации эргатических принципов воспроизводства не готов: полная реализация возможна лишь с выравниванием уровней развития всех регионов и созданием более или менее равных для всех народов условий пользования возможностями мировой эргатической системы. До этого еще далеко, требуются большие затраты и грандиозная перестройка всей системы мировых связей. Реальное и довольно эффективное функционирование эргатических механизмов адаптации к среде обитания и воспроизводства народов на сегодняшний день базируется на соединении регионального и континентального уровней взаимодействия основных компонентов этих совокупных связей. Например, для США региональный уровень представляют Техас или Нью-Йорк, континентальный – вся Северная Америка, включая Мексику и Канаду, для Великобритании региональный уровень – Шотландия или Южная Англия, континентальный – ЕЭС³². Для СССР региональный уровень воплощался в структуре 18 или 19 экономических регионов, континентальный же – в евразийских границах СЭВ. Во всех перечисленных примерах и региональный и континентальный уровни полиэтничны по составу.

В связи с названными выше тенденциями человечество сталкивается с очередной дилеммой: или озаботиться достижением в перспективе более или менее равных

воспроизводственных возможностей для всех народов и регионов планеты (на что, в частности, ориентированы материалы и выводы Всемирного форума по устойчивому развитию в XXI в. в Рио-де-Жанейро), или возобладаст худший вариант, при котором выравнившиеся вперед страны и народы («золотой миллиард») постараются закрепить, углубить и обратить в свою пользу сложившиеся диспропорции, навязывая остальному миру свою эгоистическую волю и лишая его перспективы нормального существования вообще.

К сожалению, события последних лет показывают, что дело быстрыми темпами идет к развитию худшего сценария, а политические сценаристы и исполнители руководствуются лишь соображениями сиюминутной выгоды, просчитывая ситуацию только на ход вперед и не думая о глобальных последствиях. Всему этому в огромной степени способствовало крушение советско-сэвовско-евразийской воспроизводственной системы, худо-бедно, но явно развивавшейся по тем же эргатическим параметрам и обладавшей колоссальным воспроизводственным потенциалом. Пока на ее месте – опасный вакуум. Возникла угроза беспрецедентного диктата миру, куда более разрушительного для условий воспроизводства множества народов и государств, чем империя Чингисхана. Недавно весь мир имел возможность убедиться в этом на примере трагедии Югославии, в которой лидеры западных стран нарушили все мыслимые и немыслимые правовые и моральные нормы, наплевав на ими же в свое время постулированное понятие о терроризме как достижении политических целей насилием против невоюющих лиц и возведя терроризм в степень государственной и межгосударственной практики³³.

Все это имеет непосредственное отношение к профессиональным задачам этнологии, так как наука должна исходить из базовых представлений об этносах и принципах их воспроизводства. И если уж она вступает в общественный дискурс, то вести его надлежит с таких и только с таких позиций. Ни по одному из вопросов о положении любого современного народа специалист-этнолог не вправе игнорировать то, каким образом народ воспроизводит условия собственного существования, вписывается ли он в существующие параметры эргатического воспроизводства, какие у него есть для этого возможности и перспективы. Тем более это касается русского народа, других народов России, всех народов разрушенного Союза, вместе с которым оказались порушены функциональные механизмы воспроизводства.

В обсуждении последних проблем, как представляется, неприемлемы идеологические и идеологизированные подходы, будь то идеология либеральная (которая на фоне своей демократической красноречивости и гуманистической привлекательности столь убедительно продемонстрировала и продолжает демонстрировать полнейшую безнравственность двойных стандартов), или идеология, скажем, националистическая, или даже интернационалистская. Когда историей столь остро поставлен вопрос о выживании народов и о принципах и перспективах их воспроизводства, этнолог как специалист обязан, вступая в дискурс с политиком, исходить из того, адекватна ли этим задачам предлагаемая политика и каковы должны быть институты и законы, необходимые для их реализации. Так же как, дискутируя с идеологом, этнолог должен ставить вопрос о том, адекватна ли постановке этих задач данная идеология.

Думается, и либерализм, и национализм, и принятые до недавних пор варианты «пролетарского интернационализма» себя с такой точки зрения исчерпали. Ни либеральная, ни националистическая позиции не дадут, например, адекватного ответа на вопрос о перспективах объединения России и Белоруссии. С этновоспроизводственной же позиции – и вопрос об этом ставить странно, если речь для обоих народов идет о насущнейшей необходимости строительства вместо разрушенных воспроизводственных связей необходимой замены, которая, конечно, уже не будет (если ей вообще суждено быть) полностью подобна старой и может еще преподнести в будущем немало неожиданностей³⁴.

В ситуации, подобной нынешней, конструктивистский подход к нации и этносу отнюдь не ведет ни к эффективному решению собственно научных задач этнологии,

ни к сколько-нибудь полезным обществу подвижкам в политических решениях. В сущности, переходя с собственного – научного – профессионального поля на поле политическое или идеологическое, где победа, увы, невозможна, какими бы благими намерениями ученый ни руководствовался, этнолог всегда окажется в положении аутсайдера. Идеи же о фрагментарности и непреодолимых различиях этнокультурного мира объективно лишь будут способствовать разделению этого мира вместо интеграции воспроизводственных механизмов и облегчать возможности манипулирования «фрагментами» для тех, кто на практике как раз стремится к превращению мира в управляемое целое с неравными правами и возможностями.

Таким образом, на пороге нового тысячелетия одной из важнейших задач этнологии оказывается задача теоретического осмысления собственного предмета и осознания своего места и функций в жизни и воспроизводстве народов. Правильные профессиональные постановка и решение данной задачи могут сделать этнологию не какой-то экзотической интеллектуальной забавой, а одной из ведущих дисциплин будущего.

Примечания

¹ Термины «этнонациональная рефлексия», «этнонациональное развитие», «этнонациональная проблематика» довольно редко встречаются в литературе, чаще – либо «национальная», либо «этническая». Объединив эти прилагательные механически, я не имею в виду некую иную качественную категорию, но, при довольно большой понятийно-терминологической пестроте, с которой приходится считаться, я подразумеваю под этим все возможные существующие в общественном сознании формы рефлексии, порожденные фактом деления человечества на общности, в основе которых лежат этнический или национальный признаки.

² См.: *Тишков В.А.* Забыть о нации. (Постнационалистическое понимание национализма) // *Этнограф. обозрение* (далее – ЭО). 1998. № 5. С. 3–26; *Рыбаков С.Е.* К вопросу о понятии «этнос»: философско-антропологический аспект // ЭО. 1998. № 6. С. 3–15.

³ *Пыпин А.Н.* История русской этнографии. Т. I–IV. СПб., 1890–1892; *Токарев С.А.* История русской этнографии. М., 1966.

⁴ *Токарев С.А.* Указ. раб. С. 361–363.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 362.

⁷ *Надеждин Н.И.* Об этнографическом изучении народности русской // *Записки РГО.* Кн. 2. СПб., 1847. С. 63.

⁸ *Пыпин А.Н.* Указ. раб. Т. II. СПб., 1891. С. 40.

⁹ Оставляю в стороне более ранние нападки на Ч. Дарвина и его учение со стороны Н.Я. Данилевского, так как его труд «Россия и Европа» – образец и пример несколько иной, чем научная формы этнонациональной рефлексии, хотя и содержал зачатки так называемого цивилизационного подхода, ставшего популярным после работ О. Шпенглера.

¹⁰ К слову сказать, современные публицисты полностью относят упреки в неразумности этого устройства на счет большевиков. Сами партийные идеологи, напротив, всегда ставили этот вариант решения национального вопроса в заслугу РСДРП(б) и В.И. Ленину. Парадокс же состоит в том, что авторство сложного федеративно-автономного устройства страны принадлежит Программе партии Народных социалистов – энзов (трудовиков) [см.: Программа Народно-социалистической (трудоной) партии. СПб., 1906. С. 14]. Большевики в 1917 г. лишь точно уловили настроение масс и использовали этот лозунг.

Факт выдвижения такой интернационалистской программы самой массовой крестьянской партией России очень интересен и нуждается в объяснении, ведь он резко противоречит расхожему стереотипу о «крестьянской ксенофобии».

¹¹ *Тишков В.А.* Указ. раб.

¹² *Вико Дж.* Основания новой науки о природе наций. М., 1940.

¹³ Такое понимание можно встретить и в знаменитой работе Э. Ренана о нации, и в «Восстании масс» Х. Ортеги-и-Гассета.

¹⁴ *Тишков В.А.* Указ. раб. С. 3–4.

¹⁵ Фактически эта концепция утвердилась лишь с 1930-х годов.

¹⁶ В более развернутом виде критика концепции Ю.В. Бромлея дана автором. См.: *Карлов В.В.* Введение в этнографию народов СССР (стадиальные закономерности и локально-исторические особенности этнокультурных процессов XIX–XX вв.). Ч. I. М., 1990.

¹⁷ Цит. по: *Дробизева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У.* Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М., 1996. С. 21.

¹⁸ Мысль о приоритетности прагматико-функционального подхода к вещам, вообще характерного для американской ментальности, признадежит Г.Д. Гачеву (см.: *Гачев Г.* Американский образ мира, или Америка глазами человека, который ее не видел // *Золотой век.* 1992. № 3. С. 3–10). Если данная Г.Д. Гачевым характеристика верна (как бы то ни было, а значительная доля истины в ней есть), фокус исследовательского интереса в антропологии Нового Света объясняется весьма логично.

¹⁹ Цит. по: *Вопр. философии.* 1988. № 12. С. 156.

²⁰ Случаи двойственности или множественности самосознания, с которыми исследователи часто встречаются, не исключение, а подтверждение правила, свидетельство и отражение динамики этнокультурного процесса.

²¹ *Рыбаков С.Е.* Указ. раб.

²² *Его же.* *Нация и национализм* // *ЭО.* 1999. № 4. С. 3–17.

²³ Примеры подобной смены этнической идентификации в доиндустриальных обществах может привести, вероятно, каждый этнограф, изучающий конкретный народ. Известно, в частности, что долганы, происходящие от одноименного эвенкийского рода, с включением в эвенкийскую среду якутских переселенцев и русского старожильского населения и переходом на якутский язык, тем не менее очень долго продолжали считаться тунгусами, так как вся система жизнеобеспечения этого нового этноса была ближе к традиционному тунгусскому образу жизни, и лишь постепенно, с накоплением различий, произошла смена этнической идентификации.

Аналогичные примеры можно привести из жизни узбекского, таджикского и так называемого сартского земледельческого населения Ферганской долины в XIX – начале XX в., где процессы идентификации проходили не менее сложно и не всегда зависели даже от языка.

²⁴ Мысль о подходе к этносу как к системе социальных связей была высказана С.А. Токаревым еще в 1964 г. (см.: *Токарев С.А.* Проблема типов этнических общностей (к методологическим проблемам этнографии) // *Вопр. философии.* 1964. № 11. С. 43). Однако многие обращавшиеся к указанной статье авторы фактически проходили мимо этого принципиального предложения.

²⁵ Слово «конструкт» я употребил в данном случае не в конструктивистском смысле, а в значении «основа, остов, каркас».

²⁶ Частично, ибо конструктивиты не хотят вникать во всеобщие универсальные причины и объективные основы этого явления.

²⁷ Категория национального интереса – одна из сложнейших и очень слабо разработанных в науке, она относится к числу наиболее трудно определяемых понятий. Трудности связаны главным образом с тем, что национальный интерес как феномен непостоянен. Это закономерно, ибо нация есть общность, всегда сложно структурированная и противоречивая по интересам разных ее слоев, поэтому общенациональный интерес как осознаваемое нацией (этносом) понятие может быть лишь ситуативен и преходящ. Это хорошо проиллюстрировал японский философ Янагида Кэндзюро на примере лозунгов третьего сословия в период Великой Французской революции (см.: *Янагида К.* *Философия истории.* М., 1969. С. 229). После революции лозунги быстро утратили общенациональный характер и порой приобретали оттенки карикатурности, как, например, в эпиграмме русского поэта «серебряного века» Вяч. Иванова: «Братство, равенство, свобода» / Гордо реют с арки входа. / «Что за мрачные дома?» / «Наша, сударь, здесь тюрьма!».

²⁸ *Рыбаков С.Е.* К вопросу о понятии «этнос».

²⁹ Точное замечание по этому поводу было сделано К. Марксом и Ф. Энгельсом в «Немецкой идеологии»: «Взаимоотношения между различными нациями зависят от того, насколько каждая из них развила свои производительные силы, разделение труда и внутреннее общение... Но не только отношение одной нации к другой, но и весь внутренней строй самой нации зависит от степени развития ее производства и ее *внутреннего и внешнего общения*» (курсив мой. – В.К.) // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Изд. 2-е. Т. 3. М., 1955. С. 19–20.

³⁰ При нормальном «встраивании» в такие системы обычно возникают явления би- и полилингвизма в коммуникативных процессах и би- и поликультурализма в сфере культурного потребления.

³¹ Потеря самодостаточности в воспроизводственных процессах, с моей точки зрения, вовсе не «отменяет» роли этноса в процессах включения социумов и индивидов в эргатические воспроизводственные механизмы и не уничтожает функции этносов как «коллективных инструментов и посредников» в системе адаптации к среде. Речь идет только о создании более оптимальных условий для выполнения этносами таких функций в постиндустриальном мире – именно с обострением борьбы за эти условия во многом связан всплеск межэтнических конфликтов.

³² Известный американский футуролог О. Тоффлер назвал эти тенденции к регионализации на фоне глобализации в экономике сдвигом от национального к «меньше, чем национальному». Он заметил, что экономическая мощь и сложность региональных экономик стали такими же, какими несколько десятилетий назад были национальные связи (см.: *Тоффлер О.* Прогнозы и предпосылки // *Социол. исслед.* 1987. № 5. С. 120–121).

³³ Когда писался текст данной статьи, агрессия НАТО против Югославии только закончилась, а новый

виток конфликта на Северном Кавказе еще не начался. Последний факт дает новую пищу для размышлений о роли «двойных стандартов» в управлении современным миром. Многие «мыслимые и немислимые нормы» нарушены и во втором случае, причем с обеих сторон. Российское правительство своими руками создало ситуацию, из которой не оказалось иного выхода, как через гуманитарную катастрофу целого народа. И.В. Сталин, из которого демократическая пропаганда давно сделала жупел злодейства, антигуманности и тоталитаризма, со своим способом решения проблемы в отношении вайнахов во время Великой Отечественной войны может казаться великим гуманистом, о чем, кстати, говорят высочайшие темпы демографического воспроизводства у чеченцев и ингушей в XX в. и создание у них нормальной современной профессиональной структуры общества в советское время.

Едва ли последствия этой войны будут таковыми. Но какая колоссальная разница в отношении к югославскому и чеченскому случаям на просвещенном и гуманном Западе! Хотя в правовом отношении ситуация диаметрально противоположна: в Югославии была война против невоюющей стороны и суверенного государства, здесь – только против воюющих, до зубов вооруженных международных бандитов, действия которых никакими правовыми (даже шариатскими) нормами не могут быть оправданы.

Поистине, объяснить разницу лучше всего может ставшее доступным русскоязычному читателю выступление Клинтон перед начальниками штабов США в 1995 г. (см.: Дроздов Ю.И. Записки начальника нелегальной разведки. М., 1999; Котляр Э. Преступность организованная, экономическая? Нет – государственная // Столичный криминал. 2000. № 5 (104), Март). Мы должны быть благодарны г-ну Клинтону за столь ясную, сколь и откровенно циничную по отношению к России позицию, которая очень многое объясняет.

³⁴ В бытность Е.М. Примакова председателем правительства РФ много шума наделало одно из его высказываний о перспективе союза Москва–Дели–Пекин. Конечно, условия для этого еще не созрели, но объективные обстоятельства при благоприятном развитии событий могут сделать такую перспективу реальной. В ее реализации в свете развития мировых тенденций нет ничего невероятного, ведь речь идет не о возникновении военно-политических союзов в новой конфигурации, а о куда более фундаментальных условиях жизнеобеспечения в современном варианте.

V.V. K a r l o v. Ethnonational reflexion versus the object of ethnology (on the notions and terminology of science)

The article undertakes to find answers to such questions as: What is public consciousness from the point of view of ethnonational reflection, its forms and varieties? How do these forms correlate with ethnology and its object, and which place does ethnology itself occupy among them?

As the author points out, the theme «ethnology and ethnonational reflection» inevitably close on the necessity to revise and detail to a certain extent the very notions and terminology of this science. It is for this reason that the article analyses such basic categories of the science as «nation» and «ethnos» as well as other debatable questions.